

ЗЕМЛЯКИ

КАМРАН ШАХМАРДАН

(Финляндия)

РАССКАЗЫ

Камран Шахмардан не нуждается в представлении, он известный театральный режиссер, талантливый драматург и сценарист. Но, тем не менее, я хочу сказать о нем несколько слов, потому что с Камраном-прозаиком я познакомился впервые, и это было радостное знакомство.

Проза Камрана поэтична и в то же время рациональна, парадоксальна и лирична, порой, как поэзия, интеллектуальна и чувственна, завлекает с первых строк и не отпускает читателя до последней точки, после которой начинается для умного, тонкого читателя великолепное послевкусие, захватывающее продолжение судеб персонажей. Автор словно приглашает читателя поработать вместе с ним... но только после рассказанного им, там, где его фантазия не кончается.

Камран живет в прекрасной стране Финляндии, однако в его прозе есть откровенная ностальгия по жаркому солнцу Абшерона, по горячему, обжигающему ноги дачному песку, по которому в детстве он бегал и, как по-настоящему творческий человек, впитал в себя все краски, запахи, давние воспоминания, окружавшие его с малых лет, и он с особой теплотой и любовью пишет о своей родине, об Азербайджане. В прозе, как и во всем творчестве Камрана, есть главное – живые люди, он умеет создавать живые образы, с которыми интересно общаться, он, как автор, знает главное – все в произведении вертится вокруг человека, героя; если это удалось, значит, удалось и многое другое, значит, твое творение будет жить долго.

Кстати, о «долго». Уже чувствую, что злоупотребляю вниманием читателя, уже слышу, как он кричит: хватит, покажи товар лицом. И он прав. Хотя многое еще можно было бы сказать о прозе Камрана Шахмардана.

Итак: хорошая, отличная, великолепная, блестящая проза Камрана Шахмардана. Читайте и перечитывайте.

Натиг Расулзаде
Народный писатель Азербайджана

Большое сердце

Адам родился с большим сердцем. Да-да, с большим в прямом смысле слова. Оно занимало почти половину его детской груди. Родители, узнав об этой странной аномалии, были в отчаянии – лечению болезнь не поддавалась, и Адаму эта ноша была дана на всю оставшуюся жизнь, а по прогнозам врачей жить ему оставалось недолго. Родители понимали это и старались максимально защитить горячо любимого сына, ограждая его от всех возможных потрясений мира. Адам рос как в раю: в тепличных условиях, под наблюдением врачей, сиделок и бесконечных любящих тушек. Особенность болезни Адама заключалась в том, что сердце его постоянно увеличивалось в размерах при малейшем переживании, впитывая чувства, как губка. Каждая слезинка, каждый эмоциональный вздох или переживание давались Адаму нелегко, так как сердце его всякий раз увеличивалось на долю миллиметра. Поэтому жизнь его протекала в стерильно спокойной атмосфере – люди, окружающие его, носили на лицах дежурные улыбки и – никаких потрясений и детских душевных пере-

живаний! В то время, как остальные «нормальные» сверстники Адама носились сломя голову, орали и играли на улице в футбол, Адам сидел у окна, с ревностью и печалью наблюдая за ними. Мечты и желания Адама были просты: сбежать из рая, туда, где кипит настоящая жизнь. Уже к трем годам у него пробудилось сильное желание слушать музыку. Днями напролет он слушал классиков, в особенности Баха, Моцарта и Вивальди. Но странное дело – музыка, наполняя сердце Адама всевозможными чувствами, не причиняла ему вреда – слушая музыку, Адам, наслаждаясь определенными музыкальными частотами, входил в экстаз, щеки наливались здоровым розовым цветом, а на лице появлялась нежная детская улыбка. Эта улыбка не покидала его даже тогда, когда Адам от умиления плакал. Слезы текли по розовым щекам, и ближе к финалу произведения вся рубашка его была порой насквозь промокшей от слез. Адам выпивал стакан воды и менял свою майку на сухую и свежую, затем выключал свет и в тишине слушал биение и журчание своего сердца. Это было необходимо, потому что музыка и те эмоциональные переживания, которые он испытывал, забирали у него последние силы.

К пяти годам в его сознании сложился некий эмоционально-световой спектр, по которому Адам, слушая музыку, представлял ее себе визуально и различал звуки по свету, цвету и запаху. Да-да, у каждой ноты был свой запах! Такой интерес и глубокое познание музыки, конечно же, не остались без последствий. Адам начал познавать инструмент – пианино.

Клавиши давались ему очень легко, они словно слушались биения его сердца. Инструмент – старый немецкий рояль Schimmel – ему достался еще от прабабушки, на нем давно уже никто не играл. Регулярно, раз в году, с него вытирали пыль в память о бывшей владелице, инструмент настраивали и приводили в порядок. Порой рояль напоминал о себе сам, издавая странный скрежет.

Однажды ночью, укладывая Адама спать, мать поцеловала его в мягкую розовую щеку – так нежно, как целуют только любящие мамы, и, не справившись со своими чувствами, обронила горькую слезу. Адам услышал эту слезу и впустил ее в свое сердце. Сердце его увеличилось, и Адам впал в горячку. «Что я натворила, как я могла! – причитала мать, сидя на кухне, – он все понял о себе!»

Супруг, то и дело подавая ей валерианку и успокаивая себя рюмкой старого коньяка, сдержанно приговаривал: «Это любовь...и с этим ничего не поделать! Может быть ему осталось не так много, но ради любви твоей и душевного покоя я не буду лишать Адама нормальной жизни. Ребенок имеет на это право». Мать заплакала еще сильнее, умоляя пожалеть их единственного сына. На что отец, встав из-за стола, тихо и решительно произнес: «Я уже все решил. Мы не имеем права лишать его детства!»

И уже через месяц ранним утром Адам стоял у порога школы, находящейся неподалеку от их дома в старом районе. В этой школе учились отец и мать мальчика, говорили, что основателем этой школы была прабабушка Адама. Однако об этом уже давно никто не вспоминал, потому что менялись времена, и отношение к их семье тоже менялось.

Перед входом в школу отец пожал Адаму руку и пристально посмотрел ему в глаза. В этом взгляде была уверенность и гордость за выбор сына. Первый раз за многие годы Адам расплылся в счастливой улыбке. В этой улыбке было все!

Войдя в класс, Адам почувствовал на себе пристальный взгляд учащихся и тут же смутился – ему вдруг послышались звуки музыки, исходящей из этих многочисленных глаз. Не то, чтобы он испугался, но он никогда прежде не ощущал такого потока энергии. И это привело его в экстаз. Он закрыл глаза, его щеки зарозовели, и он воскликнул в блаженстве: «Боже!» Ученики, услышав это, засмеялись. Но этот смех привел Адама в еще больший восторг, и он тоже начал громко смеяться над собой.

И вдруг посреди этого гогота Адам заметил ее – Еву. Она сидела за первой партой и с любопытством в больших черных глазах вглядывалась в него. Адам сразу услышал этот взгляд. Вся остальная энергия отошла на второй план. Лицо Адама вытянулось, глаза его округлились, что придало ему еще более нелепый вид. Учительница долго не могла успокоить класс, урок был сорван. Адама усадили позади Евы. Все остальное время Адам неотрывно смотрел на затылок и косички Евы и с удовольствием, самозабвенно, слушал ее музыку. Так и прошел первый школьный день.

Придя домой, он с сияющей улыбкой начал озорничать, бегая по квартире и напевая какую-то новую мелодию. Она заполнила собой гостиную, детскую и кухню. Родители были в восторге. Отец, подойдя к матери, тихо и чувственно прошептал ей в ухо: «Ну вот, он уже влюблен!»

Ночью разыгралась непогода, капли неприкаянно стучали по стеклу окна, но Адам слышал в этих звуках симфонию дождя. Первый раз за всю свою короткую жизнь Адам нарушил правила и открыл окно. Струи дождя били его по лицу, смешиваясь со слезами. Там, вдалеке, где-то ударил гром, и раскатисто доносились его отзвуки в сверкании молний.

Никогда прежде Адам не испытывал такой силы энергии света и звука. Словно в полифонии перед ним ожила вся природа. Настоящая! Та, которой он был лишен прежде.

И сердце у Адама начало увеличиваться еще сильнее.

Уже на следующий день в школе Адама прозвали юродивым. Не то, чтобы его задевали или мучили. Нет. К нему относились с большой настороженностью и скорее старались обходить его стороной. С ним почти никто не дружил. А если и общались с ним – то в основном для того, чтобы использовать его доброту в своих корыстных целях. Многие дети сразу же поняли, что Адам пойдет на все, чтобы помочь другим и отдаст последнее за дружеское плечо. Он подолгу проводил время с Евой, и она с удовольствием отвечала ему взаимностью и порой, чувствуя за него ответственность, давала ему советы и пыталась оградить от всех бед. Вообще Ева казалась мудрее и старше него. Они подолгу гуляли по улицам старого города. Однажды Адам остановился у цветочного лотка, откуда исходил аромат множества разных цветов. Но в то же время этот аромат громко кричал от боли. Подбежав к ларьку, Адам увидел множество алых роз, тюльпанов, хризантем – многие были в самом расцвете, а многие еще не раскрылись и выглядывали из бутонов. И Адам вдруг понял... Цветы были срезаны в самом начале жизни, а многие из них уже умирали. Он слышал их реквием, цветы плакали, издавая прощальные запахи. Адам в слезах упал на колени перед цветами, словно оплакивая их.

Тем же вечером отец по просьбе Адама выкупил все цветы из того ларька, и они похоронили их за городом, среди полевых ромашек.

Ко всеобщему удивлению, несмотря на прогрессирующую болезнь, Адам дожил до 16 лет.

Сердце его занимало уже большую часть груди. Но, несмотря на это, Адам продолжал дышать полной грудью и помогал изо всех сил горожанам. Дни напролет он играл на органе в городском храме, разговаривая с богом, чем приводил в восторг всех прихожан.

А по ночам в местных клубах и барах он развлекал посетителей, играя и импровизируя музыку для пожелавших услышать себя. Большинство из этих историй, рассказанных в музыке и музыкой, были грустными, так как он видел жизнь очень глубоко и печально. И это еще больше разрывало его сердце. Слушая истории посетителей и превращая их в мелодии, он порой изводил себя до изнеможения, оплакивая каждую трагедию.

Некоторые посетители узнавали о себе больше, чем могли знать сами. Были случаи, когда он своей музыкой помогал обрести путь многим заблудившимся душам.

Однажды осенним вечером Адам признался в любви Еве. Молча, без слов, сочинил он любовное послание только для нее. Ева сидела за столом в углу и тихо плакала. Адам услышал эти слезы. В этих слезах он услышал ее ответ – она никогда не будет с ним и никогда не сможет соперничать с его музыкой. Она ответила ему «нет», потому что не хотела быть второй в его жизни. Подойдя к нему, она молча положила прекрасную розу на клавиши. И он все понял!

Ее уход из его жизни окончательно разбил ему сердце. Он перестал выходить из дома, но продолжал творить, играть, доводя свою музыку до филигранности. Вскоре его сердце выросло до таких размеров, что Адам поселился в своем сердце. И, о чудо! Сердце его закристаллизовалось и стало хрустальным.

Вскоре Адам умер.

Сердце его было выставлено в городском храме, где он играл. И каждое утро, всякий раз, когда из разноцветных витражей на алтарь падал свет, сердце Адама начинало звучать хрустальным перезвоном вселенской музыки, настраивая сердца слушающих его на любовь.

Ирония

Старый клоун Поль – сын канатоходца и дрессировщицы – посвятил цирковой арене всю свою жизнь. Гастролируя по миру со своими непревзойденными шутками, он, кажется, обогнул Землю вокруг несколько раз и везде дарил людям улыбки, смех и счастье. Но почему люди смеются над его шутками и в чем кроется тайна смеха – на эти мучившие его всю жизнь вопросы старый клоун не мог найти ответа.

Поль был безумно влюблен в свою профессию. Пик его успеха и популярности пришёлся на 60-70-е годы. Он был рыжим клоуном со своим репертуаром и со своей философией, знаменитые драматурги не раз писали для него сценки и даже монопесны.

Однажды Полю даже удалось сняться в фильме у знаменитого французского режиссера новой волны, где он сыграл самого себя, и с тех пор он стал олицетворением печальной улыбки.

За какие-то десять минут на арене Полю удавалось рассказать целую историю, вызвать у зрителя неподдельный интерес, сопереживание, смех и какую-то очень странную грусть.

У многих зрителей после спектакля было чувство, что они смеялись над собой. Поль был больше, чем артист, больше, чем клоун. Друзья, коллеги это понимали и относились к нему с большим уважением, а некоторые даже с поклонением.

Он сидел в своей гримёрке и, как обычно, наносил на лицо грим. Рядом стояла почти пустая бутылка «Бордо». Сделав несколько глотков, Поль оглянулся назад: вся стена была оклеена старыми афишами, фотографиями друзей, партнеров. Но его внимание было сосредоточено на маленькой черно-белой фотографии: на ней была Люси – любовь всей его жизни, ныне покойная, но вечно живущая в его сердце любимая жена, с которой он провел двадцать счастливых лет.

Он называл ее «мотылек», потому что она была эквилибристкой и, словно бабочка, летала над ареной. Но, к сожалению, словно мотылек, летящий на горящую свечу, опалив свои крылья, она рано сгорела – разбилась, исполняя сложный трюк. Люси была маленькой, но очень сильной, упрямой и отважной женщиной: вопреки просьбам и предупреждениям начальства она работала без страховки. Адресалин был жизненно важен для Люси, так она ощущала яркость и полноту жизни.

Поль восхищался и любил свою безумную жену. При таком образе жизни, конечно же, о детях не могло быть и речи, так что, кроме воспоминаний о Люси, у Поля никого и ничего не было в жизни – он жил цирком и сублимировал там все то, чего ему не хватало.

И вот сегодня Полю исполнилось семьдесят лет. Его контракт с цирком не продлили: начальство сообщило, что ему пора на заслуженный отдых. Сегодня он выйдет на арену в последний раз.

Закончив последние детали грима, Поль натянул на голову старый, облезлый рыжий парик и, захватив с собой недопитую бутылку, отправился блуждать по закулисью в ожидании своего выхода. Проходя мимо клеток с животными, он остановился напротив старого циркового слона Капли, который тоже доживал свой век. Их взгляды встретились, и между ними завязался безмолвный диалог.

Капля, как бы поддерживая Поля, покачал головой и заплакал. Поль подошел к клетке и протянул бутылку слону, тот, умело ухватив её хоботом, влил вино себе в пасть. Не было в ту минуту существа для Поля ближе, чем этот слон. Он несколько раз погладил хобот Капли, затем по-дружески похлопал слона, повернулся и ушел.

Вокруг разминались молодые артисты. Увидев маэстро, они зааплодировали ему, восклицая: «Браво! Браво! Браво!» Старый конферансье, подбежав к Полю, сказал: «Твой выход. Сейчас объявлю». Зазвучала барабанная дробь. Шпрыхштальмейстер объявил: «Дамы и Господа! Сегодня и только сегодня в последний раз на арену выходит великолепный Поль со своими неповторимыми шутками-прибаутками!»

Зазвучали фанфары, и Поль медленно вышел на сцену. Тут же луч света упал на его лицо.

В зале было темно, он не видел зрителей, но слышал грохот аплодисментов.

«Браво! Браво!» – кричали поклонники. Поль поднял две руки и, словно оставив аплодисменты, начал выступление. Ему было семьдесят лет, но в его движениях, пластике и умении двигаться возраста не было. Под конец выступления, когда все прожекторы работали в полную силу, оркестр заиграл заводной цирковой марш. У Поля закружилась голова, он прошелся взглядом по зрителям и вдруг напротив себя в первом ряду увидел маленькую девочку.

Его внимание привлек её равнодушный взгляд: в нём не было ничего, этот взгляд был просто ледяным. За всю свою жизнь на арене цирка маэстро никогда не видел такого безразличного зрителя. Это был профессиональный вызов, и Поль этот вызов принял. Всё своё мастерство и опыт, заготовленные на эффектное окончание номера, Поль направил на эту девочку. Он жонглировал, стоял на голове, доставал из карманов всякую всячину – лишь бы рассмешить несмеяну. Но она как будто не замечала его, словно он был прозрачен. Полю было очень больно: вся его жизнь и мастерство не могли рассмешить ребёнка.

Зал ликовал, а старый клоун, со слезами на глазах стянув с себя красный нос и рыжий парик, обнажив седые волосы, упал на колени напротив бесчувственной девочки и зарыдал. Мир стал чёрно-белым.

Дирижёр, почувствовав неладное, остановил музыку. Понемногу угомонились и зрители.

В зале воцарилась тишина. Был слышен только плач клоуна. И вдруг девочка засмеялась.

Она смеялась так громко, что заглушила плач Поля.

Чтобы скрыть этот неловкий момент, дирижер взмахнул палочкой, грянул оркестр, раздались робкие аплодисменты. На арену вышла вся труппа, маэстро подняли на плечи.

Но несмотря на всю суету вокруг себя, Поль продолжал смотреть в глаза ребёнка.

Он понял её смех. Смех – это обратная сторона шока, вызванного страхом, и одновременное расставание с ним. Он необходим, чтобы сознание перезагрузилось.

«Жизнь – это всего лишь ирония», – подумал Поль и улыбнулся в последний раз. Больше никто и никогда не видел его печальной улыбки.

Улыбка Джоконды

Тот, кто слушал рассвет, поймет меня. Утренние песни птиц завораживают и наполняют энергией. Каждый самец яростно охраняет свою территорию и самку, оповещая об этом весь мир, и его трели на самом деле являются предупреждением и угрозой. Такой «трелью» является и танго: с одной стороны, этот танец завораживает, но по сути он жесток и коварен. Танго – это конфликт между мужчиной и женщиной, конфликт, полный страстных противоречий, но сколько красоты и жизни в его движениях!

Жизнь Мигеля Санчеса-старшего – это и есть танец танго. Мигель дышал танго, говорил с помощью танго, наконец, он жил в танго. Ему было уже далеко за сорок – его седые потные вьющиеся волосы временами падали ему на лицо. Резким движением головы он закидывал их назад и, чуть наклонив голову вниз, смотрел на своих партнерш. Взгляд этот был магическим, под этим взглядом женщины шли в его объятия. Последние пятнадцать лет он работал инструктором по аргентинскому танго и фламенко. Толпа женщин бальзаковского возраста стояла к нему в очереди, чтобы позабывать одиночество и познать в страсти язык тела.

Мигель укрощал женщин, как породистых кобылиц, притягивал к себе, возбуждая в них любовь, но сам часто оставался холодным.

Будучи испанских кровей, жил он в Италии, в маленьком городе Бергамо. Он был женат на прекрасной итальянке по имени Милания, которая не чаяла в нем души. Они встретились в восемнадцать лет, и после долгих и упорных ухаживаний нашего тороеро прекрасная итальянка сдалась. Как и положено в южной католической стране, они сыграли большую, шумную, веселую свадьбу. К сожалению, всевышний не дал им детей, и после двадцати лет семейной жизни Мигеля ничто уже не держало дома: днем он пропадал в танцевальной студии, а ночи до утра проводил с друзьями и поклонницами в кафе, ресторанах и клубах.

Под утро, придя домой, Мигель замертво падал в постель. Милания, как любящая и преданная жена, раздевала и укладывала его, словно маленького ребенка.

Терпеливо и заботливо она ухаживала за ним долгие годы. Эта потребность жила в ней и была ей необходима – все свои неистраченные материнские чувства она отдавала ему.

Долгими ночами она следовала за ним, как ангел-хранитель, по увеселительным заведениям. Садилась обычно на расстоянии, в сторонке, заказывала бокал вина и не мешала мужу развлекаться. Иногда, когда у Мигеля заканчивались деньги, она оплачивала счета так, чтобы не заметили другие.

Милания вообще старалась быть незаметной. Зная вспыльчивый характер своего мужа, она никогда не шла на конфликт. И даже когда Мигель заводил очередной роман на стороне, она была в курсе. Маленькая, хрупкая брюнетка с благородными итальянскими чертами, она почти никогда не плакала и не смеялась. Её улыбка Джоконды не сходила с лица, и Мигель побаивался этой улыбки: «Лучше бы крикнула, лучше бы заплакала», – говорил он, уходя из дома.

Было время, Мигель напивался и ссорился с друзьями, иногда это доходило до драк, в которых он порой проигрывал. И тогда Милания, словно свой крест, несла его на своих хрупких плечах до дома.

По ночам, когда он просыпался от тяжелого похмелья, она поила его парным молоком, чтобы успокоить его болезненный кашель. Положив его голову на колени, пела ему колыбельную – старую итальянскую колыбельную, которую пела ей бабушка. А днем Мигель видел в доме чистоту и порядок: его красные рубашки были выстираны и поглажены, а в углу стояли любимые красные туфли на высоких каблуках, начищенные до блеска.

Однажды в каком-то баре Мигель потерял свои любимые католические андалусские четки (розарий), привезённые им с родины – Гранады. Эти четки он обычно носил на запястье, дорожил ими и, будучи человеком суеверным, после их потери впал в депрессию и несколько дней не выходил из дома. Все эти дни Милания обходила заведения, пока наконец не нашла эти четки, заплатив бармену немалые деньги.

И когда Мигель проснулся после долгого запоя и увидел на комодке свои любимые розарий, это вернуло его к жизни. На радостях Мигель влюбился в молодую цыганку Лючию – танцовщицу фламенко.

Роман с Люцией протекал очень бурно, и о нём судачил весь город. Танцоры часто выступали в клубах, и однажды это закончилось трагедией.

В танго Лючия доминировала, подавляя Мигеля, и это было невыносимо для него.

Однажды он остановил танец и ударил ее по лицу. Она засмеялась, шагнула в его сторону, расправила грудь и, ударив громко каблуком об пол, крикнула: «Olè!».

Музыка стихла. Зрители затаились в предчувствии чего-то ужасного, ожидая ответного шага Мигеля. Мигель, грубо схватив Лючию, впился в её губы страстным поцелуем.

Публика выдохнула, крикнув: «Olè!». Поцелуй был долгий и сопровождался музыкой фламенко.

Танец продолжился, Мигель, сняв с себя красную рубашку, словно тореадор, начал зазывать Лючию. Лючия, не думая, пошла в атаку. Она выбивала чечётку под аплодисменты зрителей. И после пятнадцатиминутной танцевальной битвы Мигель, распахнув объятия, опустился на колени перед Люцией. Зрители в очередной раз крикнули: «Olè!».

Перед Мигелем во весь рост стояла гордая и почти обнаженная цыганка. Ее черные мокрые волосы падали ей на плечи и грудь. В руках она держала алую розу, напоминающую кровавое сердце. Мигель надкусил эту розу и почувствовал экстаз.

Лючия, повернувшись, ушла со сцены. Мигель, словно окаменевший, долго еще сидел на коленях с розой во рту. Зазвучал Piazzolla (танго). Зрители перешёптывались и были в смятении, потому что ничего не происходило. Время от времени кто-то кричал: «Olé!», дабы разбудить Мигеля.

За всем этим со стороны наблюдала Милания. Она поднялась на сцену и протянула руку Мигелю. Глаза его, как чаши, были полны слез, слёзы создавали призму, которая искажала изображение. Милания, вытирая пот со лба Мигеля, слегка коснулась его глаз. И слезы потекли ручейком. С его глаз спала пелена, и он увидел улыбку Джоконды. Она поцеловала его в лоб, затем потянула его руку на себя, и он привстал. Чуть отвернув голову вправо, Милания встала в позицию, и он повел ее в танце.

Никогда ещё он не чувствовал свою жену так близко. Нежный, страстный, и в то же время исполняемый с любовью танец буквально заморозил зрителя. Тонкий луч света выхватывал их на сцене, а под ногами у них была красная лужа крови в виде его рубашки и лепестков роз.

«Это лучшее, что я сотворил в танце!» – подумал Мигель. «Почему ты не подарила мне этот танец раньше?!» – крикнул он. Но она, словно нежная белая вуаль, струилась в его руках и, загадочно улыбаясь, как всегда, молчала.

В конце он протянул свои губы к ее губам, но она, все так же улыбаясь, отвернулась от него.

Зрители кричали: «Olè!» и аплодировали. Он побежал в сторону бара. Все нутро его горело, и жажда душила его.

Бармен, словно медиум, понимал его на расстоянии – тут же открыв бутылку вина, он попытался налить бокал, но Мигель выхватил бутылку и принялся пить из горла. Он пил большими глотками, и буквально на третьем глотке бутылка наполнила вину была пуста.

Бармен, похлопав в ладони, восторженно сказал:

– Bravo, bravissimo, маэстро, bello, bellissimo! Я никогда не видел, чтоб кто-то так танцевал танго один.

– Ты что?! – ответил громко смеющийся маэстро. – Это моя жена Милания. Не узнал?

Бармен опустил голову и тихо сказал:

– Мигель, опять ты забыл: Милания умерла три года назад. Надо смириться. Тебя ждет твоя цыганка в гримерке.

На сцене гармонист затеял его любимое танго Piazzolla. Мачо стоял, опустив голову, словно мокрый воробей, из тех, кто по утрам поют неистово, а по ночам под дождем прижимаются к стволу огромного дерева. Всю его жизнь этим стволом была Милания, в её тени он летал и пел.

Он плакал у бара, по-детски всхлипывая. Вдруг кто-то подошёл к нему сзади и, как мама, погладил его по голове. Повернувшись, он увидел Миланию.

Взяв его за руки, она вывела его из клуба. И они долго шли по ночному Бергамо, время от времени отхлёбывая вино и танцуя любимое танго у фонтана.

Это был последний танец великого Мигеля. Никто никогда больше не видел маэстро, он растворился в танго.

Вся моя музыка

Что такое для странствующего дорога, если не главная цель?

Дороги – они как реки... реки имеют начало и находят свои русла, умело обходя леса, поля и горы, они словно одно большое дерево, обнимающее своими ветвями всю нашу планету. И только путник, идущий от рассвета до заката, может понять истинную цель дороги. Дороги нужны не только для того, чтобы давать возможность людям дойти, но и для того, чтобы продолжать путь...От человека к человеку. Порой это путь длиною в жизнь...

Самая страшная катастрофа в истории случилась, когда человек пересел на осла или лошадь, придумал паровой двигатель, поезда, самолеты... и с тех пор все всё время куда-то спешат. Живущие в больших, комфортных каменных джунглях – все эти люди бесконечно одиноки. Дороги потеряли свое первоначальное значение. Путник потерял свою цель, караван сбился с пути, заблудился в пустыне. Одним из таких, заблудившихся, был и наш герой – Маэстро...

Когда Маэстро потерял себя – он не помнил. Там, где он родился, на берегу большого озера, где золотой песок и самый красивый закат, люди называли его за глаза эмигрантом, но сам Маэстро об этом не помнил. В каком-то смысле он и правда эмигрировал в свой внутренний мир. Он вообще многого не помнил или не хотел помнить. Он просто однажды собрал свой портфель и пустился в путь на поиск самого себя. Будучи одаренным от природы умом, а от жизни – мудростью, Маэстро без проблем передвигался по дорогам. Дороги подарили ему новую жизнь, которая состояла из музыки и из придуманных им рассказов, а герои его рассказов заменили ему семью и друзей. И наш пилигрим, странствуя по миру, повсюду нес с собой свою музыку, живительную и всепрощающую.

Говорят, что он когда-то был знаменит. В городе Солнца он был дирижером городского оркестра, был уважаем и любим. О семье своей он никогда не рассказывал, но о чем-то очень сильно горевал. В какой-то момент что-то заставило Маэстро потерять себя. С тех самых пор ничего не имело для него значения, кроме музыки и дорог. Чудом Маэстро переходил тщательно охраняемые построенные человеком границы. Да, все это тоже было в его жизни – он умудрялся странствовать по миру так, как будто есть лишь одна дорога, где на другом конце человек обязательно должен обрести себя, и шаги странствующего и являются самой жизнью.

Там, в больших городах, в потоке многочисленных энергий человек себя не слышит. Там звук, свет и музыка теряют свое значение. Там, в больших городах, Маэстро, развлекая народ, слонялся по городским улицам...

Всегда приветливый, остроумный, он с легкостью шутил, а затем виртуозно переходил на романтические ноты. Вечно подпевая и бормоча себе под нос очередную выдуманную историю, он, доводя себя до катарсиса, удивлял народ подлинностью только что сыгранной импровизации. Но стоило только кому-то привязаться к Маэстро, как он, ощущая невозможность этого для себя и дабы не обидеть кого-то, сразу пускался в путь, отпуская воспоминания, словно голубей в небо. И когда в полночный час Маэстро покидал город, улицам всегда чего-то не хватало, они смотрелись сиротливо.

У Маэстро не было вчера. Он шел за будущим, но жил сегодняшним днем. Звуки этого мира были ему интересней и важнее всего на свете. Он любил людей. Он очень любил людей! Всё человечество и каждого человека в отдельности. Его необъяснимо притягивала любая живая душа. Он словно слышал её музыку. Именно её – неповторимую музыку души, придающую каждому человеку исключительное личное своеобразие, её уникальность, которая не повторяется никогда. Старый и мудрый, он считал, что музыки так много, как звезд в бесконечном космосе. И каждый из этих звуков отличаются друг от друга, как песчинки на берегу моря, по которому Маэстро так любил ходить. Сидя у моря, он всегда всматривался за горизонт. Горизонт манил его. Музыка его звала...

– Динааамикус! В музыке это значит «громко». Так мы передаем свои эмоции. Природа, животные, люди... Все мы говорим на языке эмоций.

Привстав, он достает из внутреннего кармана палочку, позаимствованную из японского ресторана, и начинает дирижировать криками чаек.

– Все это – музыка....

И, взмахивая руками, он продолжает дирижировать.

И чайки, словно по волшебному велению взмахов его палочки, разлетаются по сторонам, раскатываясь в полифоническом гоготе.

– Пиааано. На языке музыки это – «тихо».

Старик поворачивается в сторону березы, и мы видим и слышим, как шелестят ее листья. По велению его руки где-то вдалеке, в море, огромный паром подает гудок. Ветер, словно подхватывая его мелодию, выхватывает пару нотных листов из его портфеля и они взмывает в небо.

Медленно, издалека, через эхо зазвучала музыка, заполняя собой все пространство.

Старик, снимая шляпу и довольно расплываясь в улыбке, объявляет:

– Моцарт!

Мимо проходит молодая семейная пара с ребенком. Засмотревшись на странного старика, они посмеиваются над ним. Старик, смущенно опустив голову и положив шляпу на грудь, говорит:

– Ооо, не стоит благодарности. Это все Моцарт. Классика. Но я лично сторонник романтизма. Начиная от Бетховена...затем Стравинский, Равель, Дебюсси, Эрик Сати... И мой любимый Чайковский...

Семья аплодирует ему, крича «браво!», узнав в нем местную достопримечательность – городского сумасшедшего по прозвищу Маэстро.

Вокруг очень быстро начинают собираться любопытные прохожие. Маэстро, несколько раз поклонившись, мастерски скидывает с себя пальто и шляпу. Затем профессиональным жестом поправляет седые, торчащие во все стороны кудрявые волосы. Ненадолго закрыв глаза, словно настраиваясь на определенную ноту и получив ее звучание, он открывает глаза и, оценив количество зрителей, начинает представление:

– Дамы и Господа! Друзья и коллеги! Да, да, именно коллеги. Вы не ослышались. Потому что я считаю, что каждый человек имеет свое звучание, каждый человек звучит своим инструментом, у каждого человека своя музыка. И каждый человек через музыку рассказывает свою историю. Ведь словами всего не передашь. И вот когда в жизни одного инструмента появляются другие инструменты – тогда рождается оркестр. А это значит – что мы с вами сегодня присутствуем при создании музыки.

– Вот вы, молодой человек, с каким инструментом себя ассоциируете? – спрашивает старик, ткнув в живот палочкой высокого худощавого блондина. Тот, смущенно покраснев, бормочет:

– Мне нравится кларнет.

– А вы, сударыня?

– Я думаю, я труба, – отвечает девушка с рыжими яркими волосами.

– А вы, друг мой? – обращается старик к маленькой девочке в очках с мороженым в руках. Та задумывается и вдруг протягивает мороженое ему:

– На!

– Благодарю вас, сеньорита, вы очень любезны. С вашего позволения я приму сей подарок. Так кто же вы?

– Ну как же, я – скрипка, разве вы не слышите меня?

– Конечно, конечно, я слышу. Я все слышу! Так вот, коллеги.... Музыка нам нужна для того, чтобы через эмоции рассказать о состояниях нашей души. Давеча я упомянул, что я сторонник романтики. Именно романтическая музыка позволяет нам поделиться своими чувствами. Счастьем, одиночеством, болью... Музыка – это ноты нашей души, собирающиеся воедино таким образом, чтобы она зазвучала в гармонии, передавая наши чаяния.

– Дамы и Господа! Я владею даром слушать вашу музыку и могу рассказать о вас то, чего вы никогда никому не рассказывали. Могу раскрыть ваши боли и печали и помочь в них разобраться. Поверьте мне, музыка помогает излечить душу.

А когда в полночный час Маэстро покидал город, улицам всегда чего-то не хватало, они смотрелись сиротливо.

Но Маэстро этого уже не помнил. Только лишь рассвет, только лишь закат, музыка и дорога. Дорога к самому себе.

Черное и Белое

Он появился на свет внезапно, как восточный ветер. Казалось, что своим появлением он пробудил солнце и подарил миру свет. Но сам, увы, этого света он видеть не мог, так как родился слепым. Мать его растила в одиночестве, далеко от людей. Когда она тяжело заболела, малышу пришлось заботиться о себе самому.

– Я ухожу, милый мой малыш! Мне очень жаль, но ты в этой жизни остаёшься совсем один. Я буду рядом всегда в твоих снах и в твоём сердце. Помни мои слова! Твоя слепота – твой дар. Иногда мир кажется жестоким и безобразным, а люди – злыми и завистливыми. Чтобы выжить, тебе надо найти свой внутренний свет, чтобы всё вокруг казалось тебе прекрасным. Не изменяй сердцу своему, и ты будешь счастливо жить в мире, придуманном тобой.

Сказав это, мать глубоко вздохнула в последний раз и навсегда оставила мальчика. Ветер, подняв осенние листья и закружив их, словно подхватил ее душу и в танце унес далеко далеко в небеса. И только эхо матери звучало в ушах малыша: «Помни мои слова, помни...».

Долго мальчик вслепую бродил по лесу. Пил он из ручьев и оврагов, питался грибами и ягодами. Помня наставления матери, он учился познавать неведомый мир.

Порой, будучи усталым и изнуренным, не различая ни дня, ни ночи, он падал на мягкий и душистый мох и подолгу спал. Однажды его разбудил странный звук... то ли смех, то ли плач...

– Кто здесь? – спросил мальчик.

– Я тот, кто забрал твою мать, – тихо шелестя листвою березы, ответил ветер.

– Ты плачешь или смеешься? – спросил мальчик.

– Я поююю...! – громким и раскатистым эхом отозвался ветер.

– О чем твоя песня?

– Ты спрашиваешь, о чем она? Разве ты не слышишь колыбельную твоей матери, которую она тебе пела ночами напролет, прижимая к груди твою голову и нежно лаская голосом твой сон... Это она прислала весточку о себе и попросила, чтобы я присмотрел за тобой. Малыш, я буду твоим учителем.

И закружился ветер, играя ветвями деревьев. И одна из ветвей медленно, кружась в воздухе, словно перо, упала в руки мальчика.

– Вот тебе весточка от матери, – пропел ветер. – Эта ветка будет твоим поводом!

Мальчик нежно ощупал ветку кончиками пальцев, убрав с нее лишние листья. Словно тростью он начал прокладывать себе дорогу среди веток и листвы. Сделав несколько движений, мальчик остановился, словно испугавшись смелости своих шагов.

Подняв свой посох, он, как будто прорезая туман, исследовал пространство вокруг. И тут он почувствовал легкое прикосновение чего-то живого. На конце трости, махая крыльями, сидела большая разноцветная бабочка. Медленно приближая посох к своему лицу, дабы не спугнуть существо, мальчик попытался его понюхать.

– Что это, учитель?

– Это бабочка, прекрасное создание, она очень красива!

– Как бы я хотел её увидеть!

– А ты попробуй, представь её себе. И придумай цвета. У тебя получится. Надо только очень захотеть!

Мальчик почувствовал вдруг свет, исходящий от бабочки, и увидел ее форму. А затем окрасил в различные цвета. И от радости громко воскликнул:

– Вижу, вижу! Как она прекрасна!

И бабочка улетела.

– Ну вот, теперь ты художник, ты можешь придумать свой мир, окрашивая его в любые цвета.

– А так можно? – удивился мальчик. – Ведь каждое создание имеет свой цвет!

– Ха-ха! Мы видим лишь то, что хотим увидеть, наивно полагая, что мир именно таков. Это иллюзия, малыш. Это всего лишь иллюзия!

– Но куда же мне идти – я не знаю. Что мне делать в этой жизни? Я живу в неизвестности.

– Сначала задай себе вопрос, что ты хочешь найти, – пропел ему ветер.

– Что я хочу найти? – переспросил мальчик и ненадолго задумался. Затем уверенно и искренне ответил: – Свет! Настоящий свет!

– Зачем? – переспросил ветер.

– Чтобы увидеть настоящие цвета!

– Зачем? – сердито завывая, спросил ветер.

Мальчик немного растерялся. Присев, он опустил голову, задав самому себе этот же вопрос... и правда, зачем... внезапно он вспомнил слова матери. Чувство тоски по ее голосу вызвало слезы в его глазах. Вытирая слезы, мальчик подумал, как сильно он любит свою мать... Сможет ли он так же нежно и сильно полюбить этот мир?

Чувства наполнили его разум и тело. Интерес к неведомому миру заставил его встать и почувствовать силу.

И, подняв голову, он уверенно ответил:

– Затем, чтобы увидеть и полюбить этот мир таким, какой он есть.

– О, люди... Вы все слепы! – печально пропел ветер.

– Они такие же, как и я? Все люди слепы? – с удивлением переспросил мальчик.

– И да, и нет. У них есть зрение, но они ничего не видят, кроме самих себя. Да и себя часто не видят. И поэтому боятся остаться наедине с собой.

Взлетая высоко в небо и зазывая мальчика за собой, ветер пропел:

– Малыш, не бойся одиночества, оно сделает тебя художником. Ты найдешь желаемый свет и нужные цвета! – игриво и неистово раздувая тучи, ветер продолжал: – А когда ты станешь мудрым, мы вместе будем гонять с тобой облака по небу и раскрашивать в разные цвета радугу. Ты придумаешь свой мир и найдешь покой в душе!

Подняв трость, мальчик медленно, но уверенно побежал за голосом. Спотыкаясь и падая, смеясь и плача, вытирая слезы, он, словно замороженный, продолжал следовать за ветром.

Приближаясь к опушке леса, к отвесной скале, ребенок вдруг почувствовал, как ветер резко подул в его сторону, и мальчик остановился.

– А как же этот мир? Я всегда буду в нём чужой?

– Ооо, человек, – сердито сдавливая тучи и стуча молниями, ответил ветер. – Как ты глуууух! Зачем тебе этот мир? Он жесток и несовершенен.

Тонкие струи дождя текли по лицу мальчика...

– Я хочу увидеть солнце и радоваться его лучам! – с мольбой произнес мальчик.

– Да будет так! Ты увидишь его! Как только полюбишь – ты прозреешь. Но помни, это погубит твой внутренний мир. Ибо любовь, как солнце, сжигает всё на своём пути! Иди сынок, иди. Но помни мои слова!

И ветер разогнал тучи. Мальчик тут же почувствовал тепло солнца.

И пошел он по неизведанным тропам и дорогам, прокладывая себе путь волшебной тростью.

Дороги давались ему нелегко. Он пробирался сквозь ночные сумерки, утренние туманы и знойные дни. Туда, где люди, туда, куда его манил свет любви. Когда он сбивался с пути, ветер насвистывал ему песню и направлял его. Чтобы не сойти с тропинки, мальчик прикасался к земле своей берёзовой тростью, а когда он уставал и засыпал, мать приходила к нему во сне и ласкала его, напевая колыбельную.

Была глубокая осень. И перелетные птицы уже собирались на юг. Издалека были слышны голоса улетающей стаи аистов. Вдруг одна из птиц отделилась от стаи и подлетела к мальчику. Подлетев к нему, она склонилась перед ним. Мальчик почувствовал чье-то тепло и, протянув свои руки, спросил:

– Мама?

– Нет, малыш, я не твоя мама, но у меня тоже есть дети. Я услышала издалека плач ребенка. Сердце матери не из камня, оно всегда придет на помощь.

Мальчик обнял двумя руками шею птицы и тихо шепотом спросил:

– А ты можешь быть моей мамой?

И та, прильнув к плечу малыша, с сожалением ответила:

– Не могу, мой маленький. Вот если бы ты был птицей и имел бы крылья, ты бы смог полететь со мной в южные страны, где всегда тепло, и я бы согрела сердце твое своей любовью. Но, увы, малыш, у тебя нет крыльев, и я не смогу тебя забрать с собой.

– Так вот оно что! Ты летаешь! – радостно воскликнул мальчик. – Как мой учитель ветер!

– Нет, малыш, не совсем так. У ветра нет крыльев. Они ему просто не нужны. Он летает там, где захочет. А я всегда возвращаюсь туда, где родилась.

– А почему?

– А потому, малыш, что здесь мой отчий дом, и дети мои тоже родились здесь, в этом месте, – показывая крылом в сторону озера, сказала аистиха. – Здесь я заботилась о своих птенцах, учила их добывать пищу и летать. А когда наступает осень, мы улетаем далеко-далеко, но всегда возвращаемся.

– Ах, как это прекрасно – летать!

– Все относительно, малыш, все относительно. С высоты птичьего полета наша планета кажется маленькой, и только горизонт манит и зовет за собой, предлагая догнать его. Но после некоторых попыток нужно понять, что никто и никогда не сможет догнать горизонт. Я родилась здесь, на берегу этого озера. Это моя родина. Когда закончатся морозы, мы вернемся сюда снова и опять будем ходить по волнам и мечтать. А теперь, мой маленький, прости меня. Я должна лететь. Извини и прощай! – и аистиха, смахнув крылом слезу, полетела следом за своей стаей.

– Не улетай, не оставляй меня! – кричал мальчик вслед птице. Упав лицом на землю, захлебываясь слезами и тихо всхлипывая, он отчаянно произнес: – Ну и ладно, ладно, улетай! Можешь и не возвращаться! Ты такая же, как моя мать.

И мальчик долго плакал, свернувшись калачиком на земле. Но вскоре опять подул ветер, и мудрый гуру своей доброй песней высушил слезы ребенка. Встав с колен, подняв свою трость, мальчик подумал: «Ну и ладно. Я пойду туда, где люди, они услышат меня, они помогут мне, они примут меня!»

В этот же день, ближе к ночи, мальчик подошел к небольшому городу Z. Войдя через городские ворота, он очутился на узких улочках так давно желаемого им места. Он бродил одиноко по ночным улицам города, пытаясь заглянуть в окна домов, откуда шло человеческое тепло. Но он никак не решался постучать в чью-либо дверь и попроситься на ночлег. Он совсем замёрз и вскоре остановился перед одним из окон, откуда исходил мягкий и добрый свет свечи – он согревал его. И мальчик, прижавшись к стене, прямо на улице заснул.

Неподалеку располагался старый городской трактир, ночная жизнь в котором кипела празднично и шумно. Ближе к утру, на рассвете, из трактира вышли три персоны: местный пастырь, городской полицейский и сам трактирщик. Все трое были изрядно подвыпивши. Пройдя через мостовую в сторону ратуши, они вдруг наткнулись на спящего ребенка.

– Что это? Смотрите, господа, это ребёнок! – удивились все трое.

Полицейский, надев фуражку и подтянув ремень, тут же воскликнул:

– Непорядок! Чей ребёнок, почему на улице и в такой поздний час? И откуда он взялся? Надо доложить об этом начальству!

Он выхватил из-за пазухи свисток и, громко свистя в него, побежал докладывать о данном происшествии мэру города Z.

Трактирщик, услышав звуки свистка и набравшись храбрости, начал кричать, еле выговаривая слова:

– Безобразия! П-п-подбрасывают детей прямо к моему трактиру. Я буду жааловаться! – и затем тихо, но уверенно пробормотал, глядя на пастыря, словно ища одобрения в его взгляде: – У меня ведь приличное заведение!

Пастырь прошипел в ответ:

– Тихо, вы разбудите его. Он может быть опасен. Ночью сам сатана может вселиться в тело ребенка.

Трактирщик, разводя руками и покачиваясь, тихо прошептал:

– Чёрт побери! И что же нам теперь делать?

Вскоре, запыхавшись, прибежал назад полицейский:

– Я доложил его превосходительству, он скоро будет.

Трактирщик возбужденно, тыкая пальцем в небо, отозвался:

– Вот и я говорю, надо разобраться!

И, достав из кармана флягу, он сделал из нее несколько глотков и произнес:
– Все это очень странно, господа. Как бы чего не вышло. У нас город приличный и бродягам здесь не место!

Вскоре появился мэр. Высокий, статный, седой, с длинными белыми бакенбардами и в черном мундире с золотыми лацканами. Важно подойдя и осмотрев место происшествия, подняв правую бровь, он произнес:

– Господа, я обязан разбудить нарушителя и выяснить, кто он и каковы его намерения... Эй, ты, бродяга, проснись, слышишь! Ты нарушил закон. Это преступление. Нарушено право частной собственности.

Мальчик проснулся. Услышав человеческие голоса, он очень обрадовался и протянул руки.

– Как твоё имя, мальчик? – томным и холодным басом спросил мэр.

– Не знаю, – робко, все еще улыбаясь, ответил ребенок.

– Как твоя фамилия?

– Я не знаю.

– Как имя твоего отца?

– Я не знаю своего отца.

– Глупец, ты хочешь сказать, что ты родился без отца? – прошипел на него пастырь. Затем он уверенным голосом произнес: – Я думаю, господа, он опасен. Подумайте только... в нашем богобоязненном и благопристойном городе, где каждый ребенок знает свой дом, своих родителей и свое место в порядочном обществе, вдумайтесь только, чему он может их научить и какой пример он может подать вашим детям. Тут пахнет вольнодумством! Я уверен, что его надо срочно изолировать.

Мальчик растерялся и, опустив голову, задумался. И тут вспомнился ему ветер.

– Ну конечно! У меня есть учитель. Он мне как отец!

– А-хха...И как же звали твоего учителя? – переспросил мэр.

– Ветер... Да, ветер. Он очень добрый, мудрый, любит летать и гонять облака по небу! И даже, скажу вам по секрету, он любит петь и слушать музыку, – улыбаясь, громко отвечал мальчик.

Мэр сердито его перебил:

– Ты несешь какой-то бред, мальчик. Мы уважаемые и очень занятые люди. У нас нет времени на глупости. Последний раз спрашиваю у тебя, кто ты? Что ты здесь делаешь? И есть ли у тебя паспорт?

– Я пришёл к вам, чтобы жить с вами. Вы такие же люди, как я. Мой учитель предлагал мне быть художником на земле и завещал мне небо, если я останусь с ним. Но я отказался. Я выбрал жизнь человека!

Пастырь, грозно угрожая мальчику толстым пальцем, перебил его:

– Богохульство! Клевета! Твой учитель – неверный фарисей! Место на небе можно получить только через покаяние и нравственное очищение. Да простит мне Господь, нельзя пускать неверных в храм! – разводя руками, воскликнул пастырь.

Трактирщик немедленно его поддержал:

– Да, господа, как вам это нравится? Этот бродяга без рода и племени считает, что он такой же, как мы! Ха-ха-ха!

Полицейский, уверенно кивнул:

– Да-да, кто ему дал право жить с нами? Я тоже считаю, что он опасен для нашего общества. Но как нам быть, господа? Как бы чего не вышло? Лучше будет, если о нем никто ничего не узнает. И нам спокойней, и в городе чище.

И все дружно посмотрели на мэра.

Мэр, внимательно выслушав все доводы, непривычно тихим голосом вынес приговор:

– Ну, в таком случае, бросьте его в глубокую пещеру! И будем считать, что инцидент исчерпан, а мальчика как бы и не было!

– Не было, не было, – отозвались все.

А трактирщик, хлебнув из фляги, резюмировал:

– Все верно. Зачем слепому свет?

И все хором, но очень тихо захихикали.

И бросили его люди в самую глубокую пещеру на нашей планете. И в этой глубокой пещере было самое глубокое и самое маленькое озеро. И жила там самая большая и самая одинокая рыба не земле. Пожалела рыба мальчика и спасла его.

Мальчик, вытерев слезы, спросил:

– Кто ты?

– Я друг, – тихо ответила рыба.

– Почему ты меня спасла? Я человек, и это уже дает мне право умереть. Люди жестокие и жадные, – в отчаянии промолвил мальчик и слезы вновь потекли по его худощавому лицу. И он, плача, взмолился: – Мама, мама! Где ты? Я мог бы стать художником и раскрашивать мир в разноцветные краски. Ветер, прости меня за то, что не послушал тебя! Где же вы, помогите мне!

Рыба задумчиво пояснила:

– Люди! То, что они ненавидят, является плодом их любви. Не плачь, ты не одинок, – продолжала рыба. – У тебя есть я, а у меня теперь есть ты.

– Я человек, ты понимаешь? Я такой же, как они. Друг, ты должен бояться меня!

– Не все люди одинаковые. Вот ты, например, маленький, непосредственный, простой и очень милый, – отвечала ему рыба. – Я давно живу в этом мире, очень давно. Я была рождена далеко отсюда, в бескрайнем океане, но люди поймали меня мальком и ради забавы бросили меня в эту пещеру, но я выжила и давно уже простила их!

– Значит, я тебе нравлюсь?

– Да.

И мальчик слегка улыбнулся.

– Но почему люди возненавидели меня? – все также по-детски вопрошал он.

И рыба спокойным и удивительно мудрым голосом ответила ему:

– В мире, где живут люди, нет места для красоты.

– Здесь так одиноко и холодно. Нет, здесь не живет любовь! Где же твоя красота, что дает тебе силы жить?!

– Там, на глубине озера, живет одинокая устрица, я люблю её уже многие годы, но любовь моя безответна. Каждую ночь, когда луна склоняется над озером, лаская своим светом волны, из глубины на поверхность озера выплывает устрица. Качаясь на волнах, она поет свою песню. Ооо, как прекрасен её голос! Да ты сам скоро услышишь её, луна уже над нами.

И в следующее мгновение издали донеслись ему прекрасные звуки песни. Медленно качаясь на волнах, устрица пела самозабвенно и сладко...

– Кто ты? – с волнением спросил мальчик. – Твой голос, он прекрасен, он словно наполнил меня счастьем и напомнил мне голос моей матери.

– Ты мне тоже очень нравишься. А тебе нравится моя жемчужина? Многие годы я берегла ее для избранного.

– Если твоя жемчужина так же прекрасна, как и твой голос – я уже люблю её!

– А ты разве не видишь её?

– Нет, к сожалению. Я слеп.

И устрица тут же торопливо прикрыла свою жемчужину. Медленно погружаясь в темную и холодную глубину, она промолвила:

– Мне очень жаль, но ты никогда не оценишь мою жемчужину, а значит, ты никогда не оценишь и мою красоту. Увы, но мы разные. Я не смогу полюбить тебя. Прощай!

И устрица исчезла в темно-синей глубине.

– Не уплывай, пожалуйста! Не оставляй меня! Я люблю тебя! – с глаз мальчика словно сошла пелена, и он увидел, как луна перламутровым светом играет на волнах.

Пророчество учителя сбылось, и мальчик, полюбив, прозрел. В смятении оглядываясь вокруг, мальчик пытался понять, что же с ним происходит.

– Друг, я вижу! Я прозрел? Это чудо! Но почему мне так плохо на душе? Почему я ещё больше несчастен? Почему уходит луна? Нет, я должен найти её! – мальчик пристально всматривался в глубь озера. – Сейчас я немедленно нырну и поплыву к ней! К моей устрице!

А рыба, плавая кругами вокруг мальчика, пыталась его удержать:

– Тогда ты утонешь.

– Ну и пусть! – отчаянно ответил мальчик. – Мне всё равно не жить без неё!

Но вскоре взошло солнце. И луч его коснулся лица мальчика.

– Друг, что это? – держа в руке лучик света, спросил мальчик.

– Это солнце.

– Ооо, солнце! Вот оно какое! Яркое, сильное и ...меняющее. Я хочу к нему. Слышишь, я нашел свет, – умываясь лучами солнца, безумно кричал мальчик.

– Будь осторожен, – испуганно предупредила его рыба. – Не смотри на него, оно может ослепить тебя.

– Я хочу к нему, друг, помоги!

– Останься со мной. Нам вместе будет легче жить! А как же устрица? Она ещё не знает, что ты прозрел.

– Эта самодовольная коробка для жемчужин никогда не полюбит никого. Я нашел свет! Вот они – любовь, покой и счастье! Моя сверкающая прелесть! Рядом с этим всё меркнет!

– Ты обезумел. Этого я боялся больше всего, – грустно и с досадой ответила ему рыба.

Сердце мальчика буквально выпрыгивало из груди. И он взмолился:

– Что мне делать? Друг! Помоги!

– Ну что ж, я – друг, я помогу.

И самая большая рыба на земле взмахнула хвостом и подбросила мальчика в небо.

– Я лечууу! – все вокруг мальчика заливалось солнечным сиянием. – О... как ты прекрасен, свет! Но...я, я, я ничего не вижу! Я опять ослеп! Я не вижу!

И нашел мальчик свет...

И обрел темноту в объятьях солнца.